

Милюков Павел Николаевич

**История второй русской
революции**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Николаевич М.**
История второй русской революции / Милюков Павел Николаевич – М.: Книга по Требо-
ванию, 2024. – 252 с.

ISBN 978-5-519-96598-9

ISBN 978-5-519-96598-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Такъ же ли безспоренъ этотъ выводъ, какъ положенное въ его основу фактическое описаніе? Три года, истекшіе со времени описанныхъ событій уже даютъ возможность нѣкоторой провѣрки. На первый взглядъ можетъ казаться, что „Исторія“ этой провѣрки не выдержала. Тотъ же уголъ зрѣнія, подъ которымъ произведенъ въ ней анализъ событій 1917 года, перенесенный на событія 1918 — 1920 годовъ, оказался бы, несомнѣнно, невѣрнымъ и одностороннимъ. „Исторія“ прослѣдила послѣдствія коренныхъ ошибокъ тактики, сдѣланныхъ господствовавшими за этотъ промежутокъ умѣренными социалистическими партіями. Болѣе правыя теченія, смѣнившія ихъ въ періодъ гражданской войны, несомнѣнно, руководились уроками неудачъ 1917 года. И, тѣмъ не менѣе, ихъ тактика, выведенная изъ этихъ уроковъ, кончилась, въ свою очередь, катастрофой конца 1920 года. Самъ собой возникаетъ вопросъ: не являются ли выводы изъ ошибокъ 1917 года невѣрными и односторонними, если даже и противники этихъ ошибокъ, принявшіе ихъ во вниманіе, не спаслись отъ провала?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно простъ. Въ 1918 — 1920 г. г. не только были избѣгнуты ошибки 1917 года, ошибки нашего лѣваго „интеллигентскаго“ максимализма. Были сдѣланы новыя ошибки, противоположныя прежнимъ, — ошибки *праваго* максимализма. Указать на первыя — вовсе не значитъ рекомендовать вторыя. Такимъ образомъ, событія 1918 — 1920, приведшія къ неудачѣ антибольшевистской военной борьбы, не могутъ служить доказательствомъ намъ. Анализъ событій 1917 г., сводящихся къ неудачѣ социалистической революціонной тактики, былъ невѣренъ.

Это — просто два разные круга явленій, къ объясненію которыхъ должны быть приложены и двѣ разныя мѣрки. Во второмъ томѣ „Исторіи“, когда онъ будетъ написанъ, читатель встрѣтится съ анализомъ ошибокъ праваго максимализма, который, однако, вовсе не будетъ исходить изъ предположенія, что ошибки лѣваго максимализма были указаны неправильно.

Одинъ выводъ, однако, несомнѣнно вытекаетъ изъ сопоставленія однихъ ошибокъ съ другими. Если ясное представленіе о старыхъ ошибкахъ не помѣшало людямъ, которые ихъ прекрасно видѣли, впасть въ новыя ошибки противоположнаго характера, то это, очевидно, должно побудить ихъ относиться вообще нѣсколько скромнѣе къ чужимъ ошибкамъ. Приходится, вообще, внести нѣкоторую поправку въ наше представленіе о предѣлахъ возмож-

ности для индивидуальной человеческой воли управлять такими массовыми явлениями, какъ народная революція. Мы указали въ концѣ первой главы (стр. 34), что будущій историкъ отнесется къ волевому элементу революціи иначе, чѣмъ современный историческій дѣятель. На правахъ послѣдняго мы отмѣчали ошибки буржуазныхъ вождей „революціонной демократіи“ въ первомъ томѣ „Исторіи“. Мы отмѣтимъ съ такимъ же правомъ ошибки нашихъ военныхъ вождей и ихъ правительствъ во второмъ томѣ. Но уже вступаетъ въ силу, съ завершеніемъ того и другого цикла событій, право „будущаго историка“ искать объективныхъ причинъ тѣхъ и другихъ „ошибокъ“ и показать, почему, при данныхъ обстоятельствахъ, тѣ и другія оказались неизбежны.

Еще другая поправка вытекаетъ изъ вывода, что революціонный процессъ вышелъ болѣе стихійнымъ и менѣе сознательнымъ, чѣмъ хотѣлось бы непосредственнымъ дѣятелямъ революціонной эпохи. Если роль вождей въ событіяхъ оказывается менѣе активной, то за то должно быть сильно исправлено и ходячее представленіе о пассивной роли инертной массы. Масса русскаго населенія, казалось, дѣйствительно только *терпѣла*. Въ первой главѣ мы указали на причины этой пассивности, заложенные въ нашемъ прошломъ. Но, обозрѣвая теперь весь процессъ въ его разныхъ фазисахъ, мы начинаемъ приходить къ выводу, что терпѣніе массъ, все-же, не было вполнѣ пассивнымъ. Массы принимали отъ революціи то, что соотвѣтствовало ихъ желаніямъ, но тотчасъ же противопоставляли желѣзную стѣну пассивнаго сопротивленія, какъ только начинали подозрѣвать, что событія клонятся не въ сторону ихъ интересовъ. Отойдя на извѣстное разстояніе отъ событій, мы только теперь начинаемъ разбирать, пока еще въ неясныхъ очертаніяхъ, что въ этомъ поведеніи массъ, инертныхъ, невѣжественныхъ, забытыхъ, сказала коллективная народная мудрость. Пусть Россія разорена, отброшена изъ двадцатаго столѣтія въ семнадцатое, пусть разрушена промышленность, торговля, городская жизнь, высшая и средняя культура. Когда мы будемъ подводить активъ и пассивъ громаднаго переворота, черезъ который мы проходимъ, мы, весьма вѣроятно, увидимъ то же, что показало изученіе великой французской революціи. Разрушились цѣлые классы, оборвалась традиція культурнаго слоя,—но народъ перешелъ въ новую жизнь, обогащенный запасомъ новаго опыта и рѣшившій для себя безповоротно свой главный жизненный вопросъ :

вопросъ о землѣ. Если изъ мрака небытія, въ которомъ мы погребены подъ обломками великихъ руинъ, намъ удастся зафиксировать эту свѣтлую точку вдали, то это соображеніе поможетъ излечить самый упорный пессимизмъ, и, быть можетъ, внушить отчаявшимся и тонушимъ, какихъ теперь такъ много, — желаніе жить дальше, чтобы работать для родного народа на новомъ пути, избранномъ имъ самимъ.

Лондонъ, 27 декабря 1920.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

**ЧЕТВЕРТАЯ ГОС. ДУМА НИЗЛАГАЕТЪ
МОНАРХІЮ. (27 ФЕВРАЛЯ — 2 МАРТА).**

I. Корни второй революціи.

Корни въ историческомъ прошломъ.—Слабость государственности.—Слабость социальныхъ прослоекъ. — Максимализмъ интеллигенціи. — Незаконченность культурнаго типа.— Неподготовленность массъ. — Упорство стараго режима. — Неискренность его уступокъ.

Съ чего начинать исторію второй революціи? Тотъ, кто будетъ писать философію русской революціи, долженъ будетъ, конечно, искать ея корней глубоко въ прошломъ, въ исторіи русской культуры. Ибо, при всемъ ультра-модерномъ содержаніи представленныхъ въ этой революціи программъ, этикетокъ и лозунговъ дѣйствительность русской революціи вскрыла ея тѣсную и неразрывную связь со всѣмъ русскимъ прошлымъ. Какъ могучій геологическій переворотъ шутя сбрасываетъ тонкій покровъ позднѣйшихъ культурныхъ наслоеній и выноситъ на поверхность давно покрытые ими пласты, напоминающіе о сѣдой старинѣ, о давно минувшихъ эпохахъ исторіи земли, такъ русская революція обнажила передъ нами всю нашу историческую структуру, лишь слабо прикрытую поверхностнымъ слоемъ недавнихъ культурныхъ приобрѣтеній. Изученіе русской исторіи приобрѣтаетъ въ наши дни новый своеобразный интересъ, ибо по социальнымъ и культурнымъ пластамъ, оказавшимся на поверхности русскаго переворота, внимательный наблюдатель можетъ наглядно прослѣдить исторію нашего прошлаго. То, что поражаетъ въ современныхъ событіяхъ посторонняго зрителя, что впервые является для него разгадкой вѣкового молчанія „сфинкса“, русскаго народа, то давно было извѣстно социологу и изслѣдователю русской исторической эволюціи. Ленинъ и Троцкій для него возглавляютъ движеніе, гораздо болѣе близкое къ Пугачеву, къ Разину, къ Болотникову — къ 18-му и 17-му вѣкамъ нашей исторіи, — чѣмъ къ послѣднимъ словамъ европейскаго анархо-синдикализма.

Въ самомъ дѣлѣ, основная черта, проявленная нашимъ рево-

люціоннымъ процессомъ, составляющая и основную причину его печальнаго исхода, есть слабость русской государственности и преобладаніе въ странѣ безгосударственныхъ и анархическихъ элементовъ. Но развѣ не является эта черта неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого хода историческаго процесса, въ которомъ пришедшая извнѣ государственность постоянно, при Рюрикѣ, какъ и при Петрѣ Великомъ, какъ и въ нашемъ „имперіализмѣ“ XIX и XX вѣка, — опережала внутренній органическій ростъ государственности? А другая характерная черта, — слабость верхнихъ социальныхъ слоевъ, такъ легко уступившихъ мѣсто, а потомъ и отброшенныхъ въ сторону народнымъ потокомъ? Развѣ не вытекаетъ эта слабость изъ всей исторіи нашего „первенствующаго сословія“, созданнаго властью для государственныхъ нуждъ, какъ это практиковалось въ деспотіяхъ востока, и сохранившаго до самаго послѣдняго момента черты стараго „служилаго“ класса? Развѣ не связанъ съ этимъ прошлымъ, перешедшимъ въ настоящее, и традиціонный взглядъ русскаго крестьянства на землю, сохранившую въ самомъ названіи „помѣщичьей“ память о своемъ историческомъ предназначеніи? А полное почти отсутствіе „буржуазіи“ въ истинномъ смыслѣ этого слова, ея политическое безсиліе, при всемъ широкомъ примѣненіи революціонной клички „буржуй“ ко всякому, кто носитъ крахмальный воротничекъ и ходитъ въ котелкѣ? Не напоминаетъ ли оно намъ о глубокой разницѣ въ исторіи всей борьбы за политическую свободу между нами и европейскимъ западомъ, о громадномъ хронологическомъ разстояніи между началомъ этой борьбы тамъ и у насъ, о неизбѣжномъ послѣдствіи этой разницы, — о сліяніи у насъ политическаго переворота съ социальнымъ, а въ социальномъ переворотѣ — о смѣшеніи борьбы противъ непрочно сложившагося и быстро разрушившагося крѣпостничества съ борьбой противъ совсѣмъ не успѣвшаго сложиться „капитализма“? Читайте исторію французской революціи Тэна, — и вы увидите, какъ до мелочей повторяется съ употребленіемъ лозунга „буржуазіи“ въ нашей революціи все то, что въ гражданской войнѣ великой революціи примѣнялось къ „дворянству“. Перемѣненъ у насъ, конечно, только лозунгъ; содержаніе гражданской войны осталось то же. Да и какъ могло быть иначе, когда и развитіе русской промышленности, и развитіе городовъ явилось, въ сколько-нибудь серьезныхъ размѣрахъ, плодомъ послѣднихъ десятилѣтій, и когда еще 30 лѣтъ назадъ серьезные писатели глу-

бокомысленно обсуждали вопросъ о томъ, не можетъ-ли Россія вообще миновать „стадію капитализма“? Тѣсно связана съ двумя отрицательными чертами, слабостью русской государственности и съ примитивностью русской соціальной структуры, и третья характерная черта нашего революціоннаго процесса, идейная беспомощность и утопичность стремленій, „максимализмъ“ русской интеллигенціи. Когда-то я взялъ эту интеллигенцію подъ защиту противъ П. Б. Струве и его „Вѣхъ“; но я защищалъ ее только въ одномъ смыслѣ: я защищалъ ее право не искать корней въ нашемъ прошломъ, гдѣ, какъ уже сказано, заложены лишь корни нашей слабости и нашего безсилія. Неорганичность нашего культурнаго развитія есть неизбѣжное послѣдствіе его запоздалости. Какъ можетъ быть иначе, когда вся наша новая культурная традиція (съ Петра) создана всего лишь *восемью поколѣніями* нашихъ предшественниковъ, и когда эта работа рѣзко и безвозвратно отдѣлена отъ *бытовой* культуры длиннаго періода національной безсознательности: того періода, который у другихъ культурныхъ народовъ составляетъ его *доисторическую* эпоху? Стоя на плечахъ всего лишь восьми поколѣній, мы могли усвоить культурныя приобрѣтенія запада—и усвоили ихъ съ гибкостью и тонкостью воспріимчивости, которая поражаетъ иностранцевъ. Мы обогатили эти заимствованія и нашими собственными національными чертами, тоже поражающими иностранцевъ, какъ странная прививка утонченности къ примитиву. Но мы не могли сдѣлать одного: мы не могли еще выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу. Эту западную культурную устойчивость мы еще склонны называть „ограниченностью“, и мы продолжаемъ предпочитать ту безграничную свободу славянской натуры, „самой свободной въ мірѣ“, о которой не то съ умиленіемъ, не то съ сокрушеніемъ говорилъ гениальный наблюдатель Герценъ. Въ другихъ своихъ произведеніяхъ я прослѣдилъ, какъ на почвѣ этой незаконченности культурнаго типа у насъ легко прививался западный идеализмъ въ его наиболѣе крайнихъ и индивидуальныхъ проявленіяхъ и какъ туго и медленно выростала серьезная государственная мысль. Я пытался прослѣдить также и то, какіе успѣхи сдѣлали, въ направленіи взаимнаго сближенія и постепеннаго освобожденія, съ одной стороны, отъ утопическихъ, съ другой, отъ классовыхъ элементовъ, два главныя теченія нашей общественной мысли: теченіе социалистическое и теченіе либеральное при первыхъ столкновеніяхъ съ

жизнью*). Мнѣ казалось (въ 1904), что дальнѣйшій ходъ политической борьбы долженъ привести къ устраненію цѣлаго ряда разногласій, называвшихся принципиальными, и установить возможность совместныхъ дѣйствій обоихъ теченій въ борьбѣ съ общимъ врагомъ, со старымъ режимомъ. Полтора десятка лѣтъ, прошедшіе съ тѣхъ поръ, показали мнѣ, что я оцѣнивалъ возможность этого сближенія слишкомъ оптимистически. Съ тѣхъ поръ сформировались дѣйствующія нынѣ политическія партіи и, вмѣсто сотрудничества, началась непримиримая взаимная борьба. Въ процессъ этой борьбы воскресли многія изъ утопій, которыя я считалъ похороненными; и политическіе круги, которые, по моимъ предположеніямъ, должны были бы бороться съ этими утопіями, оказались нечуждыми имъ идейно и неспособными къ стойкому сопротивленію. За это неполное приспособленіе русскихъ политическихъ партій къ условіямъ и требованіямъ русской дѣйствительности Россія поплатилась неудачей двухъ своихъ революцій и безплодной растратой національныхъ цѣнностей, особенно дорогихъ въ небогатой такими цѣнностями странѣ.

Конечно, несовершенство и незрѣлость политической мысли, на почвѣ безгосударственности и слабости социальныхъ прослоекъ, не могутъ явиться единственнымъ объясненіемъ неудачъ, постигавшихъ до сихъ поръ наше политическое движеніе. Другимъ факторомъ является безсознательность и темнота русской народной массы, которыя, собственно, и сдѣлали утопичнымъ примѣненіе къ нашей дѣйствительности даже такихъ идей, которыя являются вполне своевременными, а частью даже и осуществленными среди народовъ, болѣе подготовленныхъ къ непосредственному участию въ государственной дѣятельности. Народныя массы, — „народная душа“ — сами являлись объектомъ интеллигентскихъ утопій въ прошломъ — и едва-ли перестали имъ быть въ настоящемъ. Я лично былъ всегда далекъ отъ тѣхъ, которые готовы

*) Изложенныя въ текстѣ идеи о связи нашего прошлаго съ настоящимъ развиты мной подробно какъ въ моихъ „Очеркахъ по исторіи русской культуры“, такъ и въ изданной въ Чикаго и въ Парижѣ книгѣ моей *The Russian Crisis (La crise Russe)*, написанной въ 1903—1904 г. г. и представляющей первую часть трилогии, вторая часть которой не написана и сливается съ моей публицистической и парламентской дѣятельностью (1905—1916), а третья представляется зтѣсь вниманію читателей. Моя полемика съ „Вѣхами“ напечатана въ сборникѣ о „Русской интеллигенціи“, а идея о восьми поколѣніяхъ подробно развита въ двухъ лекціяхъ, прочитанныхъ осенью 1916 года въ университетѣ въ Христіаніи и напечатана въ норвежскомъ журналѣ „Samtiden“.